

Часть первая

ПРИНЦИПЫ *JUS AD BELLUM*

Глава I

ПРАВОО ДЕЛО

Карл Келеманс

1. ОБЩИЙ ПОДХОД

Предметом внимания этой главы является первый и, без сомнения, важнейший среди принципов *jus ad bellum* — *принцип правого дела*. Для того чтобы получить общее представление о данном принципе, пройдем три этапа. Начнем с самого общего подхода, который позволит нам выработать понятие принципа правого дела. На втором и третьем этапах рассмотрим две важнейшие категории правого дела — самозащиту и защиту других. Каждая из них будет проанализирована и проиллюстрирована рядом примеров.

Война — ужасное ремесло, и отношение к ней должно быть подобающим. Действительно, чтобы оправдать ее тяжелые последствия, всякий, кто намерен прибегнуть к военной силе, должен заручиться тем, что в теории справедливой войны называется правым делом. Иными словами, война должна иметь серьезные основания. Что же это за основания? Что может быть достаточно серьезным, чтобы оправдать нечто, имеющее столь ужасные последствия? Для того чтобы ответить на этот вопрос, полезно обратиться к тому, что писали по этому поводу наиболее видные представители теории справедливых войн.

Августин, общепризнанный создатель теории справедливых войн, дает некоторое представление о содержании правого дела. В изложении Фомы Аквинского Августин говорит следующее: «Справедливой обыкновенно считается та война, которая воздает за неправо, когда народ или государство должны нести наказание

Москва: Гардарики, 2002

за нежелание возместить ущерб, причиненный их подданными, или вернуть присвоенное незаконно»¹. С точки зрения доминиканца Франсиско де Витория (1480—1546), другого оригинального теоретика справедливых войн, народ имеет *causa justa*² в том случае, если он стремится преодолеть нарушение своих прав³. По мнению Витория, подобное нарушение прав обуславливает правоту дела не только для того, кто непосредственно пострадал от несправедливости, но и для международного сообщества в целом. Иезуит Франциско Суарес (1548—1617) полагает, что правое дело это не просто исправление неправого: народ-жертва имеет также право *наказать* тех, кто виновен в несправедливости⁴. Это право на наказание вытекает из того факта, что подвергшиеся несправедливости приобретают юрисдикцию в отношении виновных в несправедливости. Для других теоретиков справедливой войны — Гуго Гроция⁵ (1583—1645) и Эммериха де Ваттеля⁶ (1714—1767) — правое дело заключается также в предотвращении несправедливости. Но здесь Ваттель оговаривается: требуется особая осторожность, дабы не пойти на поводу у «смутных и непроверенных предположений и самому не превратиться в несправедливого агрессора»⁷.

Исходя из этих суждений, можно предположить, что правое дело — в сущности *исправление* совершенной несправедливости и/или *наказание* за нее или *предотвращение* ожидаемой несправедливости. Это дает некоторое представление о понятии «правое дело», но следует признать, что оно все еще туманно. Попробуем еще немного прояснить это понятие. Основу определения правого дела составляет наличие (действительное или ожидаемое в близком будущем) несправедливости. О какой же несправедливости идет речь? Мы говорим, что являемся жертвами несправедливости в том случае, если кто-то нанес нам обиду или, другими словами, поступил с нами недолжным образом. Из этого следует, что

¹ Aquinas T. Summa Theologica. II—II. Q. 40. A. 1. P.: CERF, 1985. P. 280.

² Causa justa (лат.) — правое дело.

³ Bartbelemey J. The Founding Fathers of International Law. P.: V. Giard & E. Brière, 1904. P. 11.

⁴ Ibid. P. 110.

⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. II, гл. I, § I, 1. Указ. изд. С. 185—186.

⁶ Vattel E. de. The Law of Nations or the Principles of Natural Law. Book III. Chapter III. § 26. P.: Guillaumin, 1863. P. 368.

⁷ Ibid. P. 19.

несправедливость предполагает представление о том, что индивиды и группы индивидов (например, государство) обладают определенными правами, защита которых может потребовать применения силы. Ярким примером такой несправедливости является то, что мы обычно именуем агрессией — нарушение политического суверенитета и территориальной целостности государства. Но теория справедливой войны ясно указывает, что использование военной силы не ограничено защитой собственных прав (самозащита). Не меньшую правоту имеет дело защиты прав других. Рассмотрим эти категории правого дела (самозащита и защита других) более подробно.

2. САМОЗАЩИТА

Первое, что приходит на ум, когда идет речь об оправданном применении силы, это самозащита. Действительно, в большинстве случаев мы убеждены, что, подобно индивиду, государство имеет право применить силу в случае нарушения своих прав (политического суверенитета и территориальной целостности). Никто, к примеру, не сомневается, что во время Первой мировой войны Бельгия имела полное право вооруженного сопротивления немецкому вторжению. Германия 2 августа 1914 г. предъявила Бельгии (она была нейтральной) ультиматум с требованием обеспечить свободный проход немецких войск для нападения их на Францию. Бельгия ответила отказом, и на следующий день немецкие войска вторглись на территорию Бельгии. В данном случае вооруженное сопротивление совершенно оправдано, и даже немцы не стали скрывать того факта, что их действия представляли собой нарушение международного права¹. Однако самоочевидный характер самозащиты не означает, отсутствия проблем.

Сопротивление имевшему место нападению представляется нашим современникам единственной формой самозащиты. Но так было не всегда. Как полагает Телфорд Тэйлор, в период от Августина до Ваттеля легитимность применения силы основывалась на понятиях справедливой и несправедливой войны, в то

¹ Майкл Уолцер рассуждает о том, что он называет «насилие над Бельгией». См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations.* N.Y.: Basic Books, 1992. P. 240—242.

время как после Первой мировой войны главный упор был сделан на различии между «захватническими» и «оборонительными» войнами¹. В результате сочетания первичности принципа суверенитета и все возрастающего разрушительного потенциала военной техники постепенно сложилось общее убеждение (в особенности после Второй мировой войны) в том, что войну нельзя более считать «нормальным» инструментом управления государством. Применение военной силы может быть оправдано лишь как ответ на вооруженное нападение. Многие полагают, что постепенная эволюция этого взгляда в направлении парадигмы агрессор — защитник означает низведение проблемы *jus ad bellum* (т.е. справедливости начала войны) к чисто военно-техническому вопросу. Для решения вопроса, кто прав и кто виноват, достаточно будет ответить на вопрос: «Кто выстрелил первым?» Эта зауженная трактовка правого дела, тем не менее, является достаточной во многих, вероятно, даже в большинстве случаев. Мы уже приводили пример Бельгии. Другой очевидный пример — действия Польши во Второй мировой войне. Как и в случае с Бельгией, Германия напала на Польшу, что и стало началом войны². Но представим себе, что Бельгия и Польша решили нанести Германии упреждающий удар (предположим на минуту, что у них были для этого соответствующие военные возможности) в тот самый момент, когда нападение Германии было уже неминуемо. Может ли эта упреждающая военная акция считаться самозащитой? Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Легитимность *упреждающего удара* как правого дела основана на том факте, что предполагаемая несправедливость неизбежна. Не приходится и говорить о том, что раз *действительная* несправедливость еще не произошла, то, очевидно, квалификация упреждающего удара как самозащиты (а значит, и как правого дела) будет всегда несколько спорной. Насколько реальна угроза? Адекватна ли она предполагаемому военному ответу? Сторонники упреждающего удара как акта самозащиты приводят весьма пря-

¹ Taylor T. Just and Unjust Wars // War, Morality, and the Military Profession / Ed. M. Wakin. Boulder: Westview Press, 1979. P. 255.

² Случай Польши интересен тем, что немцы попытались создать впечатление, будто войну начала Польша. Заставив заключенных, одетых в польскую военную форму, «напасть» на немецкую радиостанцию на немецко-польской границе в Гляйвице, Германия пыталась легитимизировать свое собственное нападение как самозащиту.

молинейные аргументы: зачем я должен ждать, пока несправедливость достигнет меня, если я могу нанести удар первым и предотвратить ее вообще?

Майкл Уолцер, относясь к этому взгляду с большой симпатией, тем не менее подчеркивает, что нельзя путать *упреждающий* удар и *превентивное* использование силы. Говоря о превентивном использовании силы, Уолцер имеет в виду идею реалистов XVIII в., которые считали, что война, осуществленная с целью предотвращения роста могущества соседа и нарушения баланса сил, легитимна. Как полагали реалисты, подобная война не только способствует восстановлению баланса сил, но и, что более важно, значительно снижает расходы на оборону. С их точки зрения, ожидание означает не предотвращение войны, но увеличение масштаба борьбы и ухудшение условий ее ведения¹. Уолцер парирует этот аргумент о последствиях с помощью того, что он называет «утилитарный ответ второго уровня». Международные отношения, утверждает он, динамичны. Совершенного равновесия быть не может, поскольку соотношение сил меняется постоянно. Это означает, что в случае, если государства будут прибегать к войне всякий раз, когда происходит очередное изменение соотношения сил, война станет «обычным и часто практикуемым» инструментом управления государством, результатом чего станут тяжелые моральные последствия. Напротив, упреждающее использование силы, продолжает Уолцер, вполне обоснованно, но только в случае наличия *достаточной угрозы*. Фактически это указывает на три вещи: потенциальный агрессор имеет выраженное намерение нанести удар, потенциальный агрессор демонстрирует такую степень активной подготовки, которая делает это намерение действительной угрозой, а общая ситуация такова, что ожидание или любые другие действия, кроме военных, значительно увеличивают риск для нации-жертвы². В качестве иллюстрации этого обоснованного упреждающего удара Уолцер приводит пример Шестидневной войны (1967)³.

Эту войну Израиль начал 5 июня, первым атаковав Египет и его союзников (Сирию, Иорданию и Ирак). Уолцер отмечает узкие временные рамки (три недели), предшествовавшие фактическому

¹ *Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 77.*

² *Ibid. P. 81.*

³ *Ibid. P. 82—85.*

нападению, и приходит к такому выводу: по всем признакам Израиль столкнулся с тем, что называется достаточной угрозой. Во-первых, имело место выраженное намерение противников нанести удар. В своей речи 29 мая египетский президент Гамаль Абдель Насер ясно заявил, что «в случае войны целью Египта станет как минимум уничтожение Израиля»¹. Во-вторых, присутствовали явные признаки того, что Египет и его союзники активно готовятся к враждебным действиям против Израиля. С 14 мая египетское правительство начало ввод своих войск на Синай. Египет также потребовал вывода чрезвычайных сил ООН и заявил, что Тиранский пролив не будет более доступен для израильского судоходства. В конце мая Сирия, Иордания и Ирак образовали военную коалицию с Египтом. Наконец, было то, что Уолцер называет «существенной асимметрией сил»². Египет мог позволить себе разместить большую армию на длительный срок вдоль границы Израиля. Напротив, Израиль был вынужден прибегать к мобилизации резервистов всякий раз, когда наступал момент кризиса. Резервисты не могли быть использованы длительное время, и это означает, что Израиль не мог «переждать» кризис, подобно Египту. Иными словами, Израиль не мог бесконечно откладывать военные действия без серьезного риска для успешной обороны.

Во времена холодной войны вопросы упреждающего удара горячо обсуждались в терминологии первого и второго ядерного удара³. Специфический характер стратегических ядерных вооружений привнес новое измерение в дискуссию об ожидаемом использовании силы. Ядерный контекст сильно изменил сам характер «близкой и неотвратимой несправедливости». Действительно, предполагаемая несправедливость представляла теперь не что иное, как частичное или полное уничтожение своего собственного общества от ядерного нападения. Другой аспект новизны заключался в том, что присутствие ядерной угрозы стало постоянным. В отличие от обычного упреждающего удара ядерный сценарий не требует приготовлений по причине постоянной и прямой доступности стратегического ядерного арсенала. До тех пор, пока оба

¹ . *Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 83.*

² *Ibid.*

³ Дополнительные сведения о различии «первого и второго удара» см. в статье Стивена Ли: *An Encyclopedia of War and Ethics / Ed. D.A. Wells. Westport; L.: Greenwood Press, 1996. P. 140—142.*

ядерных оппонента убеждены в том, что другая сторона в достаточной мере устрашена ее собственным военным потенциалом, не существует непосредственной опасности упреждающего удара. Убедительность ожидаемого применения ядерного оружия становится, однако, опасно очевидной при таком сценарии, когда оба противника не только убеждены, что они сами обладают способностью первого удара, но и считают, что ею обладает *также* и противник. Это очень легко может привести к ситуации, при которой каждая из сторон начнет подозревать другую в намерении нанести внезапный удар, что будет в свою очередь требовать упреждения и т.д.¹ Для всех должно быть очевидно, что сценарий, основанный на принципе «ударь первым, пока не ударили они», может иметь ужасающие последствия и его следует стараться избежать, чего бы это ни стоило.

Еще одна, менее очевидная, форма самозащиты, далеко выходящая за рамки непосредственной обороны, связана со стремлением возратить несправедливо отобранное. Как только война закончилась и враг достиг желаемых целей, апелляция к непосредственной самозащите становится неуместной. Теперь воздающая справедливость требует корректирующих военных действий по восстановлению территориальной целостности, а действия по самозащите приобретают, скорее, наступательный характер. Господствующая парадигма защитник — агрессор противоречит требованиям интуитивной справедливости. Действительно, как только государство-жертва вознамерится военным путем восстановить попорченную территориальную целостность, напав на первоначального агрессора, оно рискует быть само объявлено агрессором. Один из способов избежать этого аберрантного этического последствия заключается в том, что возвращение несправедливо отторгнутого включают в самозащиту в более широком смысле. Именно это имеет в виду Энтони Коутс, обращаясь к Фолклендской войне (1982).

В апреле 1982 г. Аргентина вторглась на британские Фолклендские острова. В тот же день Великобритания приняла решение послать соединение своих военно-морских сил для возвращения Фолклендов. Британцы высадились 21 мая, и аргентинские войска

¹ Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. Littlefield: Adams Quality Paperbacks, 1983. P. 68.

сдались 14 июня. По мнению Коутса, этот пример ясно показывает, что означает отложенная самозащита. Тот факт, что Великобритания не смогла дать незамедлительный ответ, не делает агрессию менее несправедливой. Интервал между актом агрессии и последующим ответом составляет то, что Майкл Уолцер называет «разновидностью временного и морального пробела, во время которого можно найти альтернативное разрешение конфликта»¹. Именно так и было в Фолклендской войне. Интервал между аргентинской агрессией и британским военным ответом был заполнен серией дипломатических усилий (например, государственный секретарь США Хейг пытался выступить посредником между двумя сторонами, правда, без особого успеха). Но эта временная и моральная задержка не отменяла права Британии восстановить нарушенную Аргентиной справедливость. Однако опасность заключается в том, что, как уже было сказано, легитимность самозащиты имеет тенденцию снижаться с течением времени. Чем дольше затягивается ответ на неправодеяние, тем больше риск, что последующий ответ будет считаться агрессивным актом, а не оборонительным. Точно такую же реакцию вызовет и прямо противоположное действие. Если страна предвосхитит отдаленную опасность нападения, напад сама, это действие, скорее всего, будет расценено как агрессия, а не оборона.

3. ЗАЩИТА ДРУГИХ

С точки зрения Уолцера, право применения силы для защиты других, чей суверенитет и/или территориальная целостность были нарушены, является не актом великодушия, но просто выражением необходимости. Для защиты прав членов международного сообщества не существует полиции (как внутри государства), и потому полицейская власть распределена между его членами. Если эти государства не могут восстановить права других государств, «международное сообщество впадает в состояние войны или перерастает во всеобщую тиранию»². Примером такой войны по защите других является Корейская война (1950—1953). Когда Северная

¹ *Walzer M.* Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. 2nd edition. N.Y.: Basic Books, 1992 P. XIV.

² *Ibid.* P. 59.

Корея начала массированное вторжение в Южную Корею 25 июня 1950 г., США заставили Совет Безопасности одобрить военные действия по защите Южной Кореи под командованием США¹. Одобрение стало возможно благодаря отсутствию в Совете Безопасности представителей Советского Союза, которые в противном случае, несомненно, наложив бы вето на всякое предложение о помощи Южной Корее. Но в их отсутствие Северная Корея была осуждена, и от нее потребовали вывода войск. Двумя днями позже, 27 июня, Совет Безопасности призвал всех своих членов помочь Южной Корее в отражении агрессии.

Говоря о «защите других», теория справедливой войны понимает под «другими» не только другое государство как таковое, но и группу индивидов, чьи основные права были нарушены. Теоретики справедливой войны, например Витория, Суарес, Гроций и Джентилис, были знакомы с идеей интервенции в гуманитарных целях. Идея о том, что ответственность политических лидеров распространяется и за пределы границ государств, логически вытекала из их теории естественного права. Убеждение в существовании объединяющего все человечество универсального морального порядка привело к утверждению права государств вмешиваться в дела другого государства во имя защиты его невинных граждан.

После окончания холодной войны проблема легитимности *гуманитарной интервенции* стала одной из центральных в дискуссиях на темы этики международных отношений. Для полного понимания важности этих дискуссий, необходимо иметь более или менее ясное понимание того, что представляет собой гуманитарная интервенция. В буквальном смысле гуманитарная интервенция означает «вмешательство во внутренние дела другой страны во имя гуманитарных целей». Некоторые авторы считают, что подобное вмешательство не обязательно предполагает использование военной силы и даже военных средств вообще. Так, Джордж Кент определяет гуманитарную интервенцию как «помощь, предоставляемую народу определенного государства третьей стороной без согласия правительства»². Эта помощь может быть предоставлена

¹ До сих пор не вполне ясно, кто в действительности начал войну. Есть свидетельства, что Южная Корея пересекла 38-ю параллель уже 23 июня.

² Kent G. Humanitarian Intervention // An Encyclopedia of War and Ethics. P. 214.

как военными, так и неправительственными организациями типа «Врачи без границ». Рассмотрим для примера войну в Биафре (1967—1970). Несколько неправительственных организаций (например, «Каритас») вмешались без согласия нигерийского правительства (Нигерия желала предотвратить отделение народа ибо (игбо) в регионе Биафры) с целью предоставить гуманитарную помощь голодающему населению Биафры. Другие авторы, подобно Полу Кристоферу, хотят ограничить концепцию гуманитарной интервенции случаями, при которых интервент «использует вооруженную силу в роли средства принуждения для осуществления какого-то влияния на внутренние дела другой страны и выводит свои вооруженные силы, как только поставленные цели достигнуты»¹. Учитывая, что в нашей книге рассматривается моральная приемлемость использования военной силы, мы будем придерживаться последнего, более ограниченного, определения гуманитарной интервенции.

Переводя предмет гуманитарной интервенции в категории нашего общего определения правового дела (см. раздел настоящей главы «Общий подход»), мы должны задать себе вопрос, можно ли идентифицировать факт совершенной или предполагаемой несправедливости. В случае гуманитарной интервенции ответ на этот вопрос очевиден. Несправедливость заключается в нарушении прав человека, и нарушение их означает отсутствие должного отношения к людям. Следовательно, правовое дело может заключаться в предотвращении, наказании и исправлении несправедливости.

К сожалению, все это не так просто. Вторгаясь в чужую страну с целью оказания гуманитарной помощи, мы неизбежно нарушаем ее суверенитет и территориальную целостность. Государство — объект такой помощи может заявить, что с ним обращаются не так, как положено (другие не должны вмешиваться в его внутренние дела), и поскольку оно защищает свой суверенитет, его дело правовое. Кто же в таком случае прав? Интервент, защищающий фундаментальные права человека в другой стране, или страна, защищающая себя от иностранной интервенции?

С точки зрения антиинтервенционистов, долг невмешательства (являющийся основным следствием суверенитета) превыше всего.

¹ *Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1999. P. 193.

Они обосновывают свою позицию тем, что, если для интервенции будет открыта дверь, нации окажутся на очень скользкой дорожке. Допущение интервенции, пусть и в гуманитарных целях, чревато разрушением основ международного порядка. К тому же государства ответственны прежде всего перед своими народами и не должны заниматься спасением страдающего населения всего остального мира. Идея гуманитарной интервенции, продолжают антиинтервенционисты, как будто внушает нам некую разновидность чувства вселенской вины, подобной той, которую испытывал отец Паисий в «Братьях Карамазовых»: он был убежден, что «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле, несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле»¹. Но, с другой стороны, некоторые авторы считают, что, как только страны начинают систематически и массово нарушать фундаментальные права своих собственных граждан, они теряют право на суверенитет. Их доводы восходят к теории общественного договора, т.е. легитимность суверенитета государства основана на правах, которые получают индивиды посредством государствообразующего общественного договора. Как только государство перестает уважать договор, оно не может более считаться легитимным политическим образованием.

Каждая из этих позиций относительно гуманитарной интервенции хорошо аргументирована и имеет длительную историю. Тем не менее, как замечает Брайен Хехир, долгое время происходило маятниковое движение от одной из этих двух крайностей к другой². На протяжении всего Средневековья и до середины XVII в. господствующая нормативная установка была в поддержку интервенции. Средневековое политическое сообщество было основано на универсальных ценностях христианства. Если правитель совершал тяжкую несправедливость по отношению к своим гражданам, это не могло быть только его личным делом. Другие правители «Христианской республики» («*Repubblica*

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 11. М.: Правда, 1982. С. 191.

² Hehir B.J. Intervention. From Theories to Cases // Ethics & International Affairs. 1995. Vol. 9. P. 5—6.

Christiana») имели право вмешательства в целях избавления угнетенных¹. С заключением Вестфальского мира в 1648 г. на смену этому универсальному моральному основанию пришла нормативная установка суверенитета и недопустимости интервенции. Стремясь положить конец религиозным войнам и хаосу, все стороны пришли к выводу о благоразумности порядка, при котором никто не вмешивается в чужие дела. Эта точка зрения, при которой провозглашалась принципиальная недопустимость интервенции, господствовала около 300 лет (хотя на практике это правило далеко не всегда выполнялось).

Первый важный признак еще одного изменения можно обнаружить в Уставе ООН. Хотя суверенитет и недопустимость интервенции все еще остаются главными ценностями в Уставе, очевидно и то, что индивидуальные права человека становятся важной частью международной моральной реальности. В особенности это стало очевидно с окончанием холодной войны в 1990-е гг. В то время как в период холодной войны количество возможных гуманитарных интервенций сдерживалось страхом военной эскалации, одной из ведущих тенденций эпохи после окончания холодной войны явился растущий спрос на международные гуманитарные интервенции в межгосударственные войны. Как в политике, так и в научных дискуссиях можно наблюдать растущее согласие в том, что суверенитет более не является святыней. Считается, что изменение нормативной основы международного порядка должно найти отражение и в позитивном международном праве².

¹ Право гуманитарной интервенции обосновывается в работах многих теоретиков справедливых войн, в частности Витория, Суареса и Гроция. См. также: *Johnson J.T.* Humanitarian Intervention, Christian Ethical Reasoning, and the Just War Idea // *Sovereignty at the Crossroads? Morality and International Politics in the Post-Cold War Era* / Ed. L.Lugo. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1996. P. 127–143.

² По этому предмету имеется обширная литература. Например: *Chopra J., Weiss T.* Sovereignty Is No Longer Sacrosanct: Codifying Humanitarian Intervention // *Ethics & International Affairs*. 1992. Vol. 6. P. 95–117; *Malanczuk P.* Humanitarian Intervention and the Legitimacy of the Use of Force. Amsterdam: Het Spinhuis, 1993. 69 p.; *Lillich R.* Humanitarian Intervention through the United Nations: Towards the Development of Criteria // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1993. Bd 53, № 3. P. 557–575; *Tesyn F.* Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. 2nd edition Irvington-on-Hudson: Transnational Publishers, Inc. 1997. P. 338.

Другая проблема, связанная с концепцией правого дела, касается определения *масштаба* интервенции. Как далеко может зайти такая интервенция? Должна ли она быть ограничена предоставлением гуманитарной помощи или она может быть более существенной и создавать среду, благоприятную для демократии и прав человека? Защитники первой точки зрения утверждают, что даже в случае интервенции с гуманитарными целями мы должны стараться воздерживаться, насколько это возможно, от вмешательства во внутренние дела другой страны. Мы должны всегда помнить, что конфликт, в который мы вмешиваемся, не есть *наш* конфликт и потому не следует влиять на его результат. С точки зрения убежденного антиинтервенциониста Джона Стюарта Милля, подобная позиция предполагает безусловное уважение принципа самоопределения. «Члены политического сообщества должны сами добиваться своей свободы...» и «они не могут быть освобождены при помощи внешней силы»¹. Напротив, Роберт Филипс выступает как убежденный защитник более интервенционистского подхода. Он доказывает, что «было бы моральным ретроградством спасать кого-либо от неминуемой смерти только для того, чтобы возвратить его в лоно политического режима, чья неспособность или злонамеренность уже однажды поставила его на грань голодной смерти»². Хотя и может *показаться*, что этот подход с позиции гуманитарной помощи определенно выражает правое дело, с более концептуальной точки зрения это странным образом представляется далеко не столь очевидным. Прекрасной иллюстрацией этого является международное вмешательство в боснийский конфликт (1992—1995).

К началу Боснийской войны весной 1992 г. Босния уже была признана международным сообществом в качестве суверенного государства. Его официальное правительство, возглавлявшееся мусульманами, старалось сохранить единство Боснии как независимого государства, в то время как боснийские сербы и боснийские хорваты делали все возможное для присоединения соответственно к Сербии или Хорватии, что означало бы конец Боснии как национального образования. Боснийское правительство отчаянно

¹ Цитату Дж.С.Милля мы приводим по книге М. Уолцера: *Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations.* P. 87.

² *Phillips R., Cady D. Humanitarian Intervention: Just War vs Pacifism.* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1996. P. 28.

призывало международное сообщество вмешаться на своей стороне. Хотя Совет Безопасности неоднократно осуждал покушения на целостность Боснии, он достаточно сдержанно относился к идее посылки туда миротворческих сил для прекращения боевых действий¹. При этом он был готов предоставить войска для распределения гуманитарной помощи. С самого начала враждебных действий международное сообщество стало свидетелем страшных злодеяний и антигуманных действий, совершаемых всеми участниками конфликта. Главной целью этих действий было избавиться от тех людей, которые не принадлежали к «правильной» этнической группе. Процесс этнической чистки был многолик — запугивание, лишение собственности, заключение в концентрационные лагеря, массовые изнасилования и казни. Естественно, это привело к невероятному обострению проблемы беженцев и перемещенных лиц не только на территории бывшей Югославии, но и в соседних странах. По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в августе 1994 г. число беженцев только в Боснии и Герцеговине превысило 2 млн. Стремясь смягчить гуманитарную катастрофу, Совет Безопасности санкционировал использование силы для обеспечения безопасности гуманитарного персонала², защиты гуманитарных конвоев³ и соблюдения запрета на полеты в воздушном пространстве Боснии⁴. В ходе боснийского конфлик-

¹ Нежелание международного сообщества вмешиваться в военный конфликт в Боснии было преодолено после падения зоны безопасности в Сребренице в июле 1995 г. и, разумеется, после артиллерийского залпа по сараевскому рынку 28 августа 1995 г., в результате которого 41 человек погиб и 84 были ранены. В ответ на этот залп НАТО начала воздушную кампанию («Решительная сила») против боснийских сербов в Боснии. Эта воздушная кампания была приостановлена 20 сентября 1995 г., она привела к Дейтонским мирным переговорам и завершилась мирным соглашением по Боснии (ноябрь 1995).

² В Резолюциях 761 (29 июня 1992) и 770 (13 августа 1992) Совет Безопасности, в частности, требовал, чтобы «все стороны и заинтересованные лица предприняли необходимые меры для обеспечения безопасности персонала Объединенных Наций и другого персонала, вовлеченного в распределение гуманитарной помощи».

³ В Резолюции Совета Безопасности 770 (13 августа 1992) Совет Безопасности призвал все страны «предпринять, непосредственно или посредством региональных представительств или иным способом, все необходимые меры для доставки, через координацию усилий с ООН, осуществляемое соответствующими гуманитарными организациями гуманитарной помощи для Сараево и в иные нуждающиеся части Боснии и Герцеговины».

⁴ В § 4 Резолюции Совета Безопасности 816 (31 марта 1993) Совет Безопасности уполномочил «страны — члены ООН, непосредственно или посредством региональных представительств или иным способом, предпринять под руководством

та были также созданы шесть так называемых зон безопасности (Сараево, Сребреница, Жепа, Горажде, Бихач и Тузла)¹. Эти зоны должны были быть свободны от каких-либо вооруженных нападений и враждебных действий. Но в отличие от иракских защитных зон международное сообщество не брало на себя ответственность за их военную защиту². Размещенные в этих зонах силы ООН должны были приносить только сдерживающий эффект. Но, как показала трагедия в Сребренице в июле 1995 г., когда боснийские сербы убили несколько тысяч мужчин-мусульман на глазах голландского воинского контингента ООН, политика защитных зон с треском провалилась³.

Итак, суть гуманитарной помощи в боснийском конфликте была довольно проста — это попытка смягчить человеческие страдания путем удовлетворения наиболее насущных потребностей людей — в еде, крове и медицинской помощи. Это означает, что целью гуманитарной интервенции была не коррекция, предотвращение или наказание несправедливости, но смягчение последствий этих несправедливостей. Учитывая это обоснование для использования силы, содержащееся в резолюциях Совета Безопасности,

Совета Безопасности и в тесной координации с Генеральным секретарем и сил ПРОFOR ООН все необходимые меры с целью обеспечения неукоснительного соблюдения бесполетного статуса воздушного пространства Боснии и Герцеговины».

¹ См.: Резолюция Совета Безопасности 819 от 16 апреля 1993 г. и Резолюция Совета Безопасности 824 от 6 мая 1993 г.

² Ключевой в этом смысле была резолюция Совета Безопасности 836 от 4 июня 1993 г. Этой резолюцией Совет Безопасности уполномочивал Защитные силы ООН «...осуществляя самозащиту, предпринять необходимые меры, включая применение силы, в качестве ответа на обстрелы зон безопасности любой из сторон или на военное вторжение в них или в случае преднамеренного создания препятствий для свободного перемещения внутри или за пределами этих зон для Защитных сил ООН или защищенных гуманитарных конвоев». На первый взгляд, эти мероприятия создавали впечатление, что защита зон безопасности создавала основания для применения силы: в случае, если зона безопасности подвергалась военному нападению, не важно в виде обстрела или вооруженного вторжения, санкционировалось применение всех необходимых мер для отражения этого нападения. Так бы оно и было, если бы не факт, что Резолюция Совета Безопасности 836 ясно отмечает «действия по самозащите». Эти три слова существенны. Добавляя выражение «действуя в самозащите», международное сообщество тем самым ограничивало свои возможности использования военной силы случаями, при которых военные нападения представляли также угрозу для безопасности персонала ООН и других организаций.

³ Подробное описание этой трагедии содержится в книге: *Honig J.W., Both N. Srebrenica. Record of a War Crime*. L.: Penguin Books, 1996. 204 p.

международное сообщество могло использовать силу для доставки гуманитарной помощи, но не для прекращения, например, этнических чисток. Это обоснование не могло быть использовано также для ареста и наказания тех, кто отдавал приказы совершать эти жестокие преступления и осуществлял их на практике. Тот факт, что обоснование гуманитарной помощи не имело корректирующего, наказывающего и превентивного характера, означает *stricto sensu*,¹ что оно не удовлетворяло требованиям определения правого дела и, следовательно, не могло рассматриваться как правое дело. Есть основания утверждать, что правое дело, по определению, должно предполагать наличие относительно ясной цели. Одно только смягчение человеческих страданий недостаточно для того, чтобы называться правым делом в соответствии с нашим общим его определением.

Эти замечания о минималистской природе гуманитарной помощи были высказаны многими авторами в ходе Боснийской войны.

Например, Розалин Хиггинс отмечала, что международное сообщество сделало очень мало в Боснийском конфликте: «В ответ на широкомасштабные проявления незаконного насилия мы избрали тактику не пресечения его, а оказания помощи его жертвам по облегчению их страданий. Выбранная нами политика позволяла страданиям продолжаться»². Дэвид Риф выразил этот взгляд еще более остро: «ООН кормила людей и позволяла их обстреливать из артиллерии»³. Как полагает Томас Вейс, всем стало ясно, что ООН сосредоточила все свои усилия только на последствиях конфликта. По его словам, «ООН коллективно недооценила такие задачи, как защита фундаментальных прав, сбор информации о военных преступлениях или даже энергичное повседневное расследование предполагаемых нарушений»⁴.

¹ **Stricto sensu* — в строгом смысле (лат.).

² *Higgins R.* The New United Nations and Former Yugoslavia // *International Affairs*. 1993. V. 69. P. 469.

³ *Rieff D.* Slaughterhouse. Bosnia and the Failure of the West. L.: Vintage, 1995. P. 120.

⁴ *Weiss T.* UN Responses in the Former Yugoslavia. Moral and Operational Choices // *Ethics & International Affairs*. 1994. Vol. 8. P. 5. Для более детального изучения этических последствий и ограничений гуманитарной помощи см.: *Pasic A., Weiss T.* The Politics of Rescue. Yugoslavia's Wars and the Humanitarian Impulse // *Ethics & International Affairs*. 1997. Vol. 11. P. 105—131.

Наконец, важно также понять, что дискуссия о масштабах гуманитарной интервенции не ограничивается одним лишь принципом правого дела. Она имеет не менее важные последствия для тех критериев *jus ad bellum*, которые тесно связаны с принципом правого дела. Возьмем для примера принципы *вероятности успеха* или *соразмерности*; их действие зависит от того, намерены ли мы предпринять ограниченную или более значительную интервенцию. Можно даже утверждать, что власть, уполномоченная принимать решения в обоих сценариях, не обязательно должна быть одной и той же (принцип *легитимной власти*) в разных случаях. Можно, например, с легкостью констатировать, что интервенция с широкими политическими и социальными последствиями требует более значительной легитимации (например, уровня Совета Безопасности) по сравнению с интервенцией, имеющей целью чисто гуманитарную помощь.

4. ВЫВОДЫ

В соответствии с теорией справедливой войны дело, ради которого государство вступает в войну, должно быть правым. В настоящей главе мы провели различие между двумя разновидностями целей, ради которых вступают в войну. Первая имеет отношение к самозащите, а вторая — к оказанию помощи другим. В рамках первой мы рассмотрели три подкатегории. Первая и наиболее очевидная из них — непосредственная защита от неприятельского нападения; вторая — упреждающий удар, а третья — возвращение того, что было ранее незаконно отторгнуто. Ввиду того что ни одна из этих трех подкатегорий не представляет собой прямого ответа на несправедливость, многие теоретики — последователи традиции справедливой войны рассматривают их как акты неприкрытой агрессии.

Вторая основная разновидность правого дела, а именно помощь другим, в свою очередь также включает в себя три подкатегории. Первая из них — защита другой страны, чей суверенитет и территориальная целостность (в настоящее время) нарушаются; вторая — защита другой страны, чей суверенитет и/или территориальная целостность были нарушены в недалеком прошлом; третья — это помощь группе людей (в другом государстве), чьи фундаментальные права нарушаются. Последняя подкатегория,

более известная под названием гуманитарной интервенции, представляет собой поле острых дискуссий в эпоху после окончания холодной войны: имеет ли страна или группа стран право или даже обязанность вмешательства во внутренние дела другой страны? Эта дилемма суверенитет — права человека также своеобразно отражает главную трудность, связанную с применением принципа правого дела. Одно дело — утверждать, что правое дело государства заключается в стремлении положить конец нарушениям прав человека. Но как быть при этом со страной, подвергшейся интервенции? Разве она не имеет права на самозащиту?

Не существует легкого и прямого ответа тогда, когда мы сталкиваемся со случаями, в которых обе стороны рассматривают свое дело в войне как правое. В концепции правого дела имеются средства для разрешения такой ситуации. Например, католические епископы США вполне отдают себе отчет в тенденции некоторых теоретиков относиться к правому делу как к абсолютному принципу. В своем папском послании «Вызов мира, Божий завет и наш ответ» они утверждают, что «каждая из сторон должна признать ограниченный характер своего правого дела и вытекающее отсюда требование использовать только ограниченные средства для достижения своих целей»¹. Этот принцип, или доктрина, правого дела редко используется как отдельный критерий *jus ad bellum*; и в теории справедливой войны к нему в основном обращаются как к принципу сравнительной справедливости. Так как противник не является олицетворением зла, а мы — воплощением добродетели, теория справедливой войны призывает нас отказаться от преувеличения собственных претензий и попытаться избегать применения чрезмерной силы для достижения своего правого дела.

¹ US Catholic Bishops. Pastoral Letter: The Challenge of Peace, God's Promise and our Response // Elshain J. B. (ed.). Just War Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1992. P. 99.